

АЛЕКСЕЙ ЗЫГМОНТ

Мученичество: идея, культ, теория. Введение

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-1-7-11>

В ПЛОТЬ до недавнего времени исследования мученичества были сферой достаточно ограниченной — или, во всяком случае, узкоспециальной. Велись бесконечные споры о значении «великой субботы» в «Мученичестве Поликарпа» или о датировке «Посланий» Игнатия Антиохийского, выяснялось, был ли Тертуллиан редактором-составителем «Страстей Перпетуи и Фелицитаты», да и в целом список доступных кейсов ограничивался христианством (в особенности классическими текстами II–IV веков), шиитским исламом, отчасти — сикхизмом, и еще меньше — иудаизмом с его концепцией *Киддуш ха-Шем*, «освящения Имени». Однако с рубежа 2000-х годов в этой области наблюдается если не революция, то некоторый перелом, суть которого можно выразить в нескольких пунктах.

Во-первых, ученые все чаще отходят от эссенциалистской парадигмы, в которой мученичество — это объективное событие чьей-либо добровольной смерти за религиозную веру или убеждения, нечто возвышенное и благородное. На смену ей приходит конструктивистская модель, рассматривающая мученичество как интерпретацию, нарратив, который складывается (или не складывается) вокруг гибели человека. Интенция самого мученика в этом смысле выносится за скобки: он или она могли желать смерти, просто не избегать ее или даже сопротивляться — главное, какую историю их почитатели расскажут о них впоследствии. Из акта мученичество превращается в социально-политический процесс, в котором рассказываются истории и сталкиваются интересы живых людей.

Во-вторых, мученичество превратилось в «понятие, за содержание которого ведется борьба»: с одной стороны, это борьба за то, кого называть мучеником; с другой, следовательно, — это столкновение притязаний на определение понятия. Религиозные активисты всех мастей, будь то христиане — борцы с абортами в США, еврейские радикалы, джихадисты или сикхские боевики, единодушно называют мучениками своих погибших — тогда как все остальные считают их террористами. Национальные государства почитают деятелей освободительных движений — а прочие могут счесть их жестокими и корыстными революционерами. Турция не признает геноцида армян, жертвы которого прославлены Армянской апостольской церковью в лике мучеников, — а Иран и другие исламские страны издеваются над «виктимными» притязаниями Израиля в связи с Шоа. Для исследователей это означает, что они вынуждены обращаться к «проблемным» формам жертвенности, рассматривая разом конструирование мученичества в одних кругах — и его активное оспаривание в других.

Отсюда, в-третьих, вытекает и интерес к новым и необычным форматам мученичества, которое находится на границе или за границей религиозного: это мученичество в революционных идеологиях; левых, правозащитных (аболиционисты, суфражистки, инициативы за права черных) и националистических движениях; в постколониальном активизме; наконец, в гражданских религиях современных наций-государств. Следует ли называть эти пограничные формы «политическими», «секулярными», «национальными» или как-то иначе — и действительно ли в них нет ничего по сути религиозного? Что представляют собой разговоры о «мучениках науки» (Галилее или Бруно) — серьезный феномен или произвольную игру слов? Все это — вопросы, к ответам на которые еще только предстоит подступить.

В-четвертых, всему этому сопутствует развитие новых векторов исследования: рассматривается связь мученичества с гендером, телесностью и сексуальностью, проблематикой власти и авторитета, активным насилием и терроризмом. Если в качестве более общего феномена мученичество все чаще считают совокупностью образов, дискурсов и практик, то само событие чьей-либо гибели или страдания рассматривается как специфический перформанс, в рамках которого мученик посредством собственного тела и, часто, гендерной принадлежности оспаривает власть пра-

вителя, говорит двусмысленностями и каламбурами, играет словами и убеждает окружающих в своей правоте и справедливости своих убеждений.

Если не все, то многие из этих тенденций нашли отражение и в этом выпуске: его авторы анализируют мученичество как активный процесс оспаривания власти или составной элемент условно-секулярных идеологий и феноменов жертвенности; рассматривают вопрос о применимости этого понятия к индийскому контексту; пытаются дополнить конструктивистскую теорию.

Первый блок текстов посвящен условно-«раннему» христианству II–III веков. В статье Алексея Пантелеева в духе Г. Бауэрсока рассматриваются отношения между христианами и Римской империей — и, в частности, тот вызов, который мученичество бросало имперской власти. Так, осужденный на казнь христианин не только ставил Царство Божье выше земной власти цезаря, но и подрывал установленный порядок вещей, превращая кровавую смерть в торжество. Впрочем, христиане зачастую были склонны оправдывать императора и даже изъявляли ему лояльность (как, например, делал это Тертуллиан), возлагая всю ответственность за гонения на «злых бояр» — имперских магистратов.

Вторая статья блока авторства Андрея Мамонтова посвящена историографии циркумцеллионов — противоречивого движения IV–V веков, известного своей жестокостью по отношению к оппонентам (которым они заливали в глаза негашеную известь), страстью к мученичеству и культом священного насилия. Вопреки распространенному мнению, что циркумцеллионы были всего лишь «боевым крылом» донатистской церкви, которое она не всегда держала в узде, автор показывает многообразные точки зрения на природу этого движения: как отдельного сословия наемных сельскохозяйственных рабочих, результат проникновения христианства в сельскую местность или низового аскетизма. В заключении статьи делается вывод о безусловных чертах циркумцеллионов, относительно которых соглашаются все рассматриваемые в ней авторы.

Следующий блок открывают Светлана Рыжакова и Евгения Ренковская со своим исследованием «жертвенной» проблематики в Индии. Насколько вообще понятие мученичества применимо к этой культуре? Основываясь на материалах собственных полевых исследований и трехчастной дефиниции мученичества, авторы рассматривают «модели» и «форматы» мученичества — идеальные типы и их конкретные воплощения. Этих типов они

выделяют три: это *шахадат* — мусульманско-сикхская модель, которая сегодня оказалась положена в основу и национально-го пантеона гражданских мучеников; кшатрийская модель, связанная на социальной этике; наконец, культово-вернакулярная, в которой погибшие необычной смертью становятся местными божествами.

Статья Андрея Акиньшина посвящена мученичеству в Японии XVI–XVII веков. Акцент в ней сделан на переменчивом отношении местных властей к христианам, на которых нередко велись гонения, и соответственной реакции иезуитов, писавших руководства для подготовки паствы к мученичеству. Распространение мученичества в данный период автор связывает со специфическим менталитетом, делавшим японцев восприимчивыми к этой идее, а также, что весьма интересно, с влиянием самурайского кодекса Бусидо с его концепцией «правомерной смерти».

В совершенно ином пространстве и времени помещается исследование Максима Алонцева и Никиты Смагина с их анализом мученической идеологии в современном Иране, которую они называют «парадигмой Кербелы». Изначально мученичество имама Хусейна ибн Али в битве при Кербеле послужило одной из отправных точек для размежевания суннитов и шиитов; и эта же идеология, объединяющая образы воина и шахида, возрождается в Иране во время революции 1979 года, в ирано-иракской войне 1980-х годов и в наши дни — как реакция на убийство генерала Касема Сулеймани и Абу Махди ал-Мухандиса. Будучи одновременно религиозной и национальной (в духе республик Нового времени), иранская идея мученичества по сути являет собой фундамент режима, влияет на внутреннюю и внешнюю политику, а также служит целям мобилизации.

Третий блок статей посвящен условно-«секулярному» мученичеству в России. В материале Светланы Малышевой анализируется культ мучеников в раннем СССР. Рассматривая большевистскую идеологию 1920-х годов в свете понятия «политической религии» Э. Фёгелина и Э. Джентиле, автор описывает различные дискурсы и практики почитания мучеников, которые эволюционировали от коллективных мартирологов в сторону индивидуализма, и из секулярного языка иногда «срывались» в сентиментально-христианские идеи и образы. После окончания Гражданской войны пантеон Советского Союза пополняется все более разнообразными типами героев, что в итоге размывает концепцию мученичества и уводит ее на второй план. Особую

ценность исследованию придает комплексное изложение малоизвестного материала и концептуальный анализ редких (в т.ч. архивных) источников.

Закрывает блок эмпирических статей работа Таисии Рабуш, посвященная «гражданской канонизации» участников войны в Афганистане (1979–1989). Опираясь на богатый свод источников — прессу и военную публицистику, — автор исследует дискурсы и практики глорификации военнослужащих, сравнивая их с мировым контекстом и коммеморацией жертв Великой Отечественной войны. В конечном счете автор делает любопытное наблюдение, что в современной России образ «афганцев» приобретает черты христианских мучеников, тогда как в позднесоветский период он имел более секулярно-гражданский характер.

Заключительная статья Алексея Зыгмонта является по совместительству и единственной теоретической в выпуске. Она посвящена разработке конструктивистской теории мученичества в перспективе концепции «репутационного предпринимательства» социолога Гэри А. Файна. В рамках данной концепции мученичество рассматривается как нарратив, который создают заинтересованные акторы, индивидуальные или же коллективные, — т.н. «репутационные предприниматели». Центральный вопрос статьи — почему некоторые умершие становятся мучениками, тогда как другие — нет. В отличие от остальных статей выпуска, которые сосредотачиваются на конкретном историческом периоде и обстоятельствах, в данной статье намеренно избран исторический сравнительный метод, ставящий рядом Игнатия Антиохийского, радикального аболициониста Джона Брауна, мучениц школы «Колумбайн», мучеников Французской революции и монаха V века Аммония.

Поскольку научных работ о мученичестве на русском языке выходит немного и почти все они работают с античным материалом в классической перспективе, цель настоящего выпуска — восполнить эту нехватку более «модерными» сюжетами и начать дискуссию по целому ряду проблемных и/или острых тем. Исходя из разнообразия его идей и сюжетов, это представляется более чем возможным.